

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УКРАИНЕ

*Политическое воображаемое гендерных исследований
в Украине. Круглый стол.
(25 мая 2007 года, Харьков, ХЦГИ)*

В обсуждении участвовали: *Ольга Плахотник – старший преподаватель Национального аэрокосмического университета им. Жуковского, сотрудница ХЦГИ; Наталья Загурская – докторантка кафедры теоретической и практической философии ХНУ; Оксана Лебедева – старший преподаватель Кременчугского политехнического университета, аспирантка философского факультета ХНУ; Ольга Романцова – аспирантка философского факультета ХНУ, кафедра теории культуры и философии науки; Марина Давыдова – студентка философского факультета ХНУ; Ирина Жеребкина – директор ХЦГИ, главный редактор журнала «Гендерные исследования», профессор кафедры теории культуры и философии науки ХНУ; Марина Воронина – доцент кафедры исторических дисциплин Харьковского национального педагогического университета им. Сковороды; Денис Петров – аспирант кафедры английской филологии ХНУ; Лала Багирова – студентка философского факультета ХНУ, автор книг «Танці на попелищі» (2006), «N-гармонія» (2004); Владимир Каплун – харьковская правозащитная группа, редактор бюллетеня «Права людини і громадянська освіта»; Сергей Жеребкин – завкафедрой философии харьковского отделения ЦГО НАН Украины; Елена Беляева – младший научный сотрудник Института охраны здоровья детей и подростков НАН Украины, геитальт-терапевт и сотрудник Московского геитальт-института; Ольга Пироженко – доцент кафедры английской филологии ХНУ.*

Ольга Плахотник. Уважаемые коллеги! Перед началом нашего обсуждения я хочу сказать несколько вводных слов об идее этого круглого стола. Она

Расшифровка стенограммы – Егор Фунтусов.

состоит в том, чтобы попытаться как-то обсудить, что происходит в гендерных исследованиях в Украине, хотя бы как-то начать этот разговор. Это связано, в частности, и с тем, что за последние несколько лет в Украине издано достаточно большое количество гендерной литературы. То есть не только переводные книги, что, естественно, тоже очень хорошо, но и то, что называется собственно национальными исследованиями. Это такие книги:

- Агеєва В. *Жіночий простір: Феміністичний дискурс українського модернізму* (К.: Факт, 2003).
- Агеєва В. *Гендерна перспектива* (К.: Факт, 2004).
- Агеєва В.П. *Поетеса злама століть. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації* (К.: Либідь, 2001).
- Гундорова Т. *Femina melancholica. Стаття і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської* (К.: Критика, 2002).
- Забужко О. «Жінка-автор у колоніальній культурі, або знадоба до української гендерної міфології», *Хроніки від Фортінбраса* (К.: Факт, 1999).
- Забужко О. *Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій* (К.: Факт, 2007).
- Зборовська Н. *Код української літератури* (К.: Арт-вертеп, 2006).
- Зборовська Н. *Психоаналіз і літературознавство* (К.: Арт-вертеп, 2003).
- Зборовська Н., Ільницька М. *Феміністичні роздуми: на карнавалі мертвих поцілунків* (Львів, 1999).
- *Незалежний культурологічний часопис «І»*. Числа 17 «Гендерні студії», 27 «Фемінність та маскуліність», 33 «Гендер. Ерос. Порно».
- *Основи теорії гендеру: Навчальний посібник* (К.: К.І.С., 2004).
- Павличко С. *Дискурс модернізму в українській літературі* (К.: Либідь, 1997).
- Павличко С. *Фемінізм* (К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2002).
- Павличко С. *Націоналізм, сексуальність, орієнталізм. Складний світ Агата Ангела Кримського* (К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2000).
- Таран Л. *Жінка як текст. Е. Андієвська, С. Павличко, О. Забужко* (К.: Факт, 2002).

Мой самый общий комментарий по поводу этих книг – наверное, они могут быть поделены на какие-то там группы-классы, не равные, не эквивалентные, и может, в процессе обсуждения мы что-то об этом скажем – состоит в том, что, пожалуй, львиная доля или большая часть из них посвящены фемин-

нистскому литературоведению или обсуждению проблем литературы. Несколько особняком стоит издание «Основы теории гендера» – первый украинский учебник по гендерной теории. Собственно говоря, о нем особенно интересно говорить, потому что, во-первых, это учебник, на обложке которого стоит герб Украины, что в общем-то достаточно, как мне кажется, много означает. Во-вторых, потому что это – первое издание такого междисциплинарного характера, поскольку все остальные монографии являются гораздо более узкими. И, в-третьих, потому что, несмотря на уже прошедшие где-то полтора года с момента его выхода и презентации (а в презентации участвовала жена президента), этот учебник не получил сколько-нибудь серьезного рецензирования или анализа. Что тоже очень интересная исследовательская проблема. Например, я задаю в поисковой системе название учебника, и мне выдается ссылка на единственный текст – это статья «Обережно, гендер!», автор ее – Тарас Собко (Івано-Франківськ), и она не является научной рецензией, а представляет собой сугубо иной жанр, очень публицистический, очень такой эмоциональный текст, который развенчивает концепцию гендера, гендерную теорию, гендерную практику и все, что с этим связано, как абсолютно чуждые украинскому народу, как нечто навязанное, развращающее и ведущее к полной деструкции общественной морали, культуры, общества целиком. Ну, вы можете ознакомиться с этим текстом, он по-своему очень интересен, но, тем не менее, считать серьезной рецензией это нельзя. И все! Относительно этого учебника больше ничего не происходит. Поэтому, мне кажется, о нем особенно интересно поговорить. И третью группу гендерной литературы, можно сказать, составляют специальные издания культурологического журнала «Ї»: вот три уже номера были посвящены гендерной тематике. Номера этого журнала содержат как переводные тексты (и они, может быть, менее для нас интересны), но также оригинальные тексты украинских исследователей, которые интересны нам немножко больше. Вот, пожалуй, пока все, что я хотела предварительно сказать об этом массиве литературы.

Наталья Загурская. Как второй модератор этого круглого стола я бы хотела, чтобы у нас получилось проиллюстрировать украинское гендерное политическое воображаемое на примере украинской женской литературы, где, как мне кажется, бессознательное проявляется более показательнее – можно увидеть то, что как бы творится «в подвалах» академического гендерного воображаемого. Это, мне кажется, хорошая может быть иллюстрация, такие «полевые исследования». И это достаточно большой массив литературы – книги И. Роздобудько, Л. Денисенко, Любы Клименко, И. Карпы, Н. Сняданко и др.¹

Ирина Жеребкина. К вводному слову Ольги и Натальи я хотела бы добавить информацию о том, почему возникла сама идея такого круглого стола и почему мы стали обсуждать сами дискурсивные возможности его проведения с Ольгой Плахотник и Натальей Загурской. Эта идея возникла у меня как у редактора журнала «Гендерные исследования» уже ретроактивным образом, когда редакция журнала (я хочу напомнить, что он изначально был задуман как транснациональный академический журнал для постсоветской аудитории, поэтому он русскоязычный, хотя издается в Харькове) уже почти подготовила к публикации стенограмму круглого стола, который ХЦГИ проводил в Москве с тем же почти названием – «Политическое воображаемое гендерных исследований в бывшем СССР: взгляды изнутри, снаружи и со стороны». Его целью была цель собрать вместе представителей ведущих гендерных институций бывшего СССР («изнутри») и ведущих представителей других социальных дисциплин («снаружи и со стороны») с тем, чтобы обсудить, как лучше проводить интеграцию гендерных исследований в социальные науки в России и в других постсоветских странах. И уже только после подготовки этой стенограммы к публикации, я поняла, что – хотя содержательно там обсуждалась в основном российская ситуация в гендерных исследованиях – в нем принимали участие и представительницы транснациональных программ нероссийских центров гендерных исследований (Елена Гапова из Беларуси и я из Украины). И тогда у меня возникла идея обговорить не только российскую ситуацию в гендерных исследованиях. Поэтому то, что Ольга и Наталья для нас сейчас задали тему национальных гендерных исследований и женской литературы, может дать, наверное, какой-то дополнительный материал для факта развития постсоветских гендерных исследований в транснациональной, столь актуальной для современного мира перспективе. Ведь, возможно, политическое воображаемое и дискурсы и исследований, и женской литературы очень различны в России и, например, в Украине, а может быть, и нет...

Ольга Плахотник. Чтобы начать обсуждение, я могу добавить к уже вышесказанному несколько предварительных наблюдений. Я занимаюсь гендерными исследованиями лет, наверное, семь. Имею возможность наблюдать, а также участвовать в модерировании дискуссионной рассылки ХЦГИ и так далее. Могу видеть, что происходит, ну как минимум, в трех наших соседских государствах – в Украине, Беларуси, России. И в становлении (да, вот касательно первого предложенного для обсуждения вопроса – институционализации гендерных исследований) гендерных исследований в этих странах я могу сейчас эмпирически зафиксировать какую-то самую верхнюю общую закономерность, состоящую в том, что в начале этой самой институционализации происходит, на мой взгляд, издание на государственном, на национальном языке переводных текстов – если мы точно говорим о книгах, а не о том, что появ-

ляются какие-то люди, которые что-то говорят где-то, а вот именно о книгах. Так было в Украине, когда появилась сначала книга Симоны де Бовуар в издательстве «Основы» Соломии Павлычко (и по сегодняшний день издательство «Основы» Соломии Павлычко издает прекрасные переводы – одно из последних изданий, например, это вот такой толщины «Антология феминистской философии», которому завидуют в добром смысле слова люди, не владеющие украинским языком. Даже довелось слышать фразу: «Наверное, придется учить украинский, чтобы стать хорошим гендерным исследователем»). И вторым этапом такого становления, как мне кажется, является появление национального «гендерного продукта». В России уже начали появляться национальные издания, и в Украине точно так же. И собственно говоря, вот этот список книг, который мы назвали, вот это и есть тот самый национальный продукт, или продукт украиноязычный. И мне здесь видится как бы масса таких вот вопросов, например: «Почему именно такие книжки появляются? Почему специфика украинских гендерных исследований так тесно связана с литературоведением, с академическим литературоведением?». Если посмотреть на российские издания, там же совершенно иная картина: появляется много книг по социологии, экономике, политике, истории, социальной работе и так далее.

Может, у кого-нибудь есть другие мнения по этому поводу?

Марина Воронина. Дело в том, что я тоже хотела бы подтвердить особую роль издательства Соломии Павлычко в Украине: очень хорошо, что это издательство действует, и в принципе книги можно встретить в любом более-менее достойном книжном магазине.

И еще я хотела сказать об учебнике «Основы теории гендера» (хотя это совсем другое издательство) с точки зрения моего педагогического опыта. В том смысле, что студенты, конечно, гораздо легче воспринимают тексты этого учебника по сравнению, например, с харьковским изданием учебного пособия «Введение в гендерные исследования», которое все-таки рассчитано уже на специалистов. Допустим, студенты пятого курса восприняли хорошо харьковский учебник, но, видимо, потому, что они просто уже привыкли самостоятельно перерабатывать массу литературы, поэтому они легко у меня справились, когда я читала спецкурс по гендерным исследованиям. Но вот студенты первого, второго, третьего курса – в основном им трудно было его читать и анализировать. А вот, допустим, уже этот официальный украинский учебник «Основы теории гендера» воспринимается студентами младших курсов весьма хорошо. Ну, а, возможно, как свое родное такое?..

Владимир Каплун. Ну, во-первых, я хотел спросить у присутствующих, тех, кто знаком с этим учебником – а возможна и на каких условиях какая-то оценка предварительная его уровня: он средний, или он великолепный, или он

хороший? Мне это интересно, потому что я работаю в харьковской правозащитной группе, редактор бюллетеня «Права людини і громадянська освіта», и именно последний как раз его номер – такой феминистский. Мы делали его с Марией Кириленко и Светланой Сененко. Я тут веду журналистский диалог в таком живом стиле, мы напечатали «резолюцию украинской ассамблеи совета Европы о механизмах, гарантирующих участие женщин» и т.п. А второе, поскольку я по своей работе все-таки связан с учебниками, правда, школьными, мне интересно, каким образом удается такую тему, достаточно тонкую, еще, может быть, немножко неустоявшуюся... Мне непонятно, вот. Ведь одно дело, когда какой-то есть канон, а такая область – гендерная – еще является, наверное, дискуссионной, спорной. И как это можно учебник, вот именно учебник создать в такой области, где происходит еще большое движение и нет еще, может быть, единодушных каких-то общепринятых совершенно вещей?..

Эта тема меня интересует и в личном, можно сказать, экзистенциальном плане, ну и по работе. В этих вопросах меня интересует особенно учебные пособия по правам человека.

Ольга Пироженко. Я хочу сейчас сказать не про учебник – может, кто-то потом специально ответит на вопрос Владимира – но вернуться к тому вопросу, который подняла Ольга Плахотник. Мне кажется, что тот вопрос, который Ольга подняла по поводу действительно различных направлений гендерных исследований в различных постсоветских странах, он очень важен. И, как мне кажется, он связан, с одной стороны, с институционализацией гендерных исследований, то есть с вопросом о том, в рамках какого именно академического дискурса гендерные исследования институционализируются в постсоветском пространстве. Ведь, например, если говорить, скажем, о России, то в ней существуют гендерные центры, занимающиеся, как мне кажется, различными видами социологических исследований, экономикой, социальной работой, то есть социальными науками (ну, скажем, Санкт-Петербург – это прежде всего гендерная социология и т.п.). То есть мы видим ситуацию, когда гендерные исследования, вернее, направления, в которых они развиваются, напрямую связаны с академической средой, в которой они институционализируются.

А с другой стороны, здесь важен политический аспект этой проблемы. В том смысле, скажем, что если мы посмотрим на ситуацию в Украине и тот факт, что гендеру, скажем, «на откуп» отдается территория литературы и литературоведения, то здесь, мне кажется, нужно подумать о проблематизации самого этого поля литературного и его статуса в современном украинском обществе. В частности, с одной стороны, мы можем говорить о том, что украинская литература, о которой мы здесь пытаемся говорить, конечно же, не принадлежит к той массовой культуре, которой интересуется все общество – в какой-то степени это сфера более элитарная. И получается, что этот «национальный ген-

дер» существует в пространстве, которое не рассчитано на массового потребителя. И, с другой стороны, можно сказать наоборот – что территорию массового потребления не интересуют эта литература и эти гендерные исследования. И мне кажется, что это проблема, о которой, наверное, стоит подумать.

Наталья Загурская. У меня есть лаконианская версия того, почему в последнее время в Украине появляется так много книг, авторы которых – женщины. Отчасти это, конечно, идеологический проект, что вот у нас женщины пишут – как и Юлия Тимошенко есть в политике. А отчасти, мне кажется, это потому, что наконец-то женский голос допущен в символический порядок языка, то есть вхождение в него возможно не только посредством специфически мужских травм – например, там, у Юрия Андруховича что-то приключилось или у Сергея Жадана, или там у кого-то еще. В результате мы можем прочитать, например, и про молодую украинку, какие с ней там перипетии происходят и так далее, то есть вот это получило легитимацию наконец-то. Мне кажется, это очень положительный момент, что женщины обретают свой голос, возможность артикулировать своё восприятие постколониальной травмы, в частности – в литературе. Потому что исследовательский дискурс не дает настолько полного эмоционального представления об этой травме.

Но, с другой стороны, я не вижу собственно женского письма в Украине, и вот на эту тему мне хотелось бы поговорить. По сути дела, это такой вот андрогинный дискурс, то есть автор – (биологически) женщина, но так могли бы писать, наверное, и мужчины, просто события отсылают именно к женским биографиям. Единственный пример такого женского письма, которое можно назвать «женским письмом», я увидела в последней книге Ирэны Карпы, которая мне очень понравилась – «Bitches get everything» («Суки получают все»), потому что она устроена не как книга, она устроена как маленький кинофильм. Она раскадрирована, главная героиня – режиссер, и она кадрирует собственную жизнь. Собственно говоря, здесь теория Э. Сиксу прилагается просто-таки впрямую и это читается действительно гендерно маркированно. Возможно, этот визуальный компонент имеет большое значение, ведь здесь традиционно мужская метафизика присутствия, расчленяющая и кадрирующая, апроприруется женским письмом. Й. фон Штенберг, который снимал фильмы с Марлен Дитрих в главных ролях, однажды сказал, что «приветствовал бы демонстрацию своих фильмов вверх ногами». В общем, такое мужское визуальное расчленение женского тела, на которое обращает внимание Л. Малви. А тут противоположный вариант: Карпа кадрирует собственную жизнь и при этом не расчленяет мужские тела. Почему, собственно, там «сука получает все»? Потому что у нее много мужчин и ей не надо расчленять тела, в каждом кадре – отдельный мужчина. И национальный компонент тут тоже выражен, мне кажется – это новая национальная идентичность. Она как бы патриотка, с одной стороны, но

патриотка в новом смысле. Она может ругать правительство, может ругать цензуру – это уже не такой махровый патриотизм, где если только украинское, в том числе по языку – это уже «хорошо». Нет, она уже понимает, что украинское, как и любое другое национальное, не может быть хорошим по определению.

Ольга Плахотник. У меня возник вопрос. Мы с вами, как понимаю, пока оставили проблему учебника в стороне, но мне хотелось бы где-то поставить точку с запятой вот в этой теме и потом вернуться. У меня сейчас к Наташе, к Оле и, может быть, ко всем присутствующим вопрос: видите ли вы некую смысловую связь между всплеском украинской женской художественной литературы и тем, что основную массу в академических исследованиях в Украине тоже составляет литературоведение? Потому что это фиксируется эмпирически, и у меня возникла идея, что, может быть, есть логическая связь?

Наталья Загурская. А вот у меня встречный вопрос – тема «политического воображаемого», вот как она в учебнике выражается? Мне кажется, учебник вообще как форма – это как раз не «воображаемое», а «сухой остаток». После того как была написана куча книг, снята куча фильмов и, в конце концов – это как-то оторефлектировалось в учебник. Вот, может быть, вы скажите, какое политическое воображаемое в учебнике?

Ольга Плахотник. Знаете, у меня почему-то нет такого ощущения, что вот это есть «сухой остаток» гендерных исследований в Украине. У меня есть ощущение, что это побочный эффект, что ли. Как в учебнике, в нем есть *все*. В нем есть про психологию, про социологию, про религию, про экономику, про литературную критику. При том, что не было монографий ни про социологию и другие социальные дисциплины, были только монографии про литературную критику. И даже если мы возьмем главу «Украинская гендерная культурология», то в этой главе почему-то не пишется про культуру целиком, а только про литературу. Все остальные главы – это как бы просто «для учебника», когда, мягко говоря, у авторов, которые писали каждую отдельную главу, нет серьезной академической монографической или исследовательской традиции, предшествовавшей появлению этого учебника.

Оксана Лебедева. Я также занимаюсь гендерными исследованиями, пишу диссертацию по теме «женское письмо». И поэтому меня интересует литература, а именно – украинская литература, возможные способы репрезентации женского, в том числе женское воображаемое. И в этом контексте я хотела бы вернуться к вопросу Ольги Пироженко и связать факт существования сейчас такого большого количества литературы – именно женской в том смысле, что напи-

санной женщинами – с существованием определенной литературной традиции. Хотя в украинской женской литературной традиции то, что мы сегодня называем «женским письмом», было по-другому репрезентировано, но все-таки традиционно именно литература была для женщин тем местом, которая определенным образом заполняла некие лакуны в национальном вопросе – в ней происходила некая телесная, чувственная интериоризация национального. И, наверное, поэтому и сейчас украинские женщины, в общем-то, правильно сориентировались и правильно использовали вот такие традиционные методы. То есть большое значение, на мой взгляд, имеет женская литературная традиция в Украине, с которой надо связывать и этот современный феномен.

Ольга Пироженко. В этом контексте у меня вопрос: можем ли мы говорить о том, литература женская украинская принципиально отличается от литературы, скажем, российской женской или других постсоветских государств, потому что вряд ли она выходит за рамки этих государств? То есть имеется ли какое-то принципиальное отличие украинской женской литературы современной от, например, российской женской литературы современной? Потому что мы можем говорить о том же буме, скажем, и в России женского романа. Понятно, что литературная традиция женского романа уходит корнями в века, и здесь, в общем-то, нет ничего нового. Но, очевидно, развивается женская литература по объективным причинам, потому что экономическая ситуация меняется, то есть женщины получают возможность писать и публиковаться больше, чем было до этого. Женщина в постсоветской ситуации как бы выходит из рутины домашней и имеет возможность реализовываться где-то за пределами домашней сферы. А одна из сфер реализации – это литература, и это становится более возможным в силу именно экономической ситуации.

Ирина Жеребкина. Ольга, правильно ли я поняла, что вы хотите акцентировать не только тот факт, что женщина в постсоветских условиях получила возможность быть производителем товара на современном рынке, но и тот, что при этом и само женское письмо – ну, например, женский роман и т.п. – становится товаром?

Ольга Пироженко. Да, я имела в виду и этот второй акцент – получила возможность быть товаром. И в таком случае можем ли мы говорить о разнице постсоветских женских литератур – в том числе и как товара?

Наталья Загурская. Мне кажется, весь этот «бум» замечателен не сам по себе, женские романы были, действительно, всегда, но сейчас просто проявляется действительно женская литература, женское письмо, а не «женские романы». То есть я предлагаю различать удовольствие от текста и наслаждение тек-

стом. Наслаждение от женского текста – к примеру, женские романы – можно было получить всегда. А теперь появились такие тексты, от которых наконец-то можно получать удовольствие, которые можно читать не просто потому, что это женская литература, а потому, что это действительно интересно...

Ольга Пироженко. Мне кажется, что о качестве здесь говорить вообще нет смысла, потому что качество женской литературы в литературной традиции (например, в Украине это Ольга Кобылянская или Леся Украинка и т.д.), то есть более или менее качественная женская литература найдется в общем-то в любой стране, если мы попытаемся градуировать на качественное–некачественное. Но, может, вообще не имеет смысла это делать – потому что, что это нам дает?

Марина Воронина. Я по поводу «объективных причин» появления хочу несколько слов сказать. Мне кажется, здесь сыграл роль тот факт, что женщины где-то со второй половины 20 века для массовой культуры во всем мире стали такой специальной фокус-группой – для той же рекламы, потребления товаров. Если до этого они вообще как бы не учитывались абсолютно, то впоследствии о них и об их «интересах» как бы вспомнили – есть спрос, получите и предложение. Действительно, экономический фактор очень серьезный и, в принципе, когда изменилась структура, когда появились рыночные отношения позднего капитализма и массовая культура, этот механизм и сработал. Тут я, отвечая на вопрос Ольги Пироженко, хочу высказать мое, совсем непрофессиональное мнение: у меня ощущение по поводу того, что я читала из женской российской и женской украинской литературы, что есть все равно в украинской приоритет национального – то, что не чувствуется в российской литературе. Там больше какой-то такой вот космополитизм, что ли. Возможно, им нет смысла доказывать, что они – русские, что у них что-то «особенное». Они с этим родились, с этим жили всю жизнь и с этим будут жить.

Ирина Жеребкина. Я тут не согласна с мнением Марины, что в России нет национальной литературы. Наоборот, я считаю, что в России сейчас (так же, как и в других постсоветских странах) происходит именно националистический идеологический всплеск, и что литература российская – массовая или высокая, Пелевин, Сорокин или Робски, Собчак (как гламурная), или Мария Арбатова (как феминистка), или фэнтези и т.п. – это новый националистический проект.

Марина Воронина. В таком случае требует уточнения то, что я имела в данном случае под «национальным» – когда большинство авторов *сами себе* доказывают, что они принадлежат именно к этой нации. Опять же, у россиян

нет вот этого доказательства для всех. Они, как мне кажется, больше навязывают – такой авторитаризм, – нежели сами в себе копаются, в какой-то собственной «национальной сути». При этом надо помнить, опять же, что когда мы говорим «Россия», то как бы забываем, что там масса других народов, которые тоже находятся в этом анклаве, но у них нет этой идентичности. То же православие, которое, опять же, не является единственной религией в России, однако навязывается всем остальным жителям этой огромной страны.

Ирина Жеребкина. Что касается того, что нет «копания в русской национальной душе», то мне кажется, то, что называется «великой русской литературой», всегда этим и отличалось. Да и сейчас весь Михалков, «Братья», «Сестры», оба Бондарчука и т.п. как раз упорно закрепляют за собой такую политическую привилегию... Может, мы введем тут термин «постколониальный», который уже прозвучал у Наташи, и в этом контексте попробуем актуализовать вопрос Ольги Пироженко о разнице постсоветских женских литератур при условии, о котором Ольга сказала выше – что женское стало товаром, товаром стала сексуальность, товаром стала национальность?..

Наталья Загурская. А можно примеры? Как-то мы сухо говорим, как будто с точки зрения мужского абстрактного подхода говорим.

Елена Беляева. Да, вот я как психолог и психотерапевт тоже хотела бы узнать об украинской женской литературе и литературоведении, потому что основная моя работа (связанная с исследованиями в области подростков) в большей части касается девочек-подростков с нарушениями становления половых функций. Это академическая работа, она предполагает то, что называется «научным подходом». Но, с другой стороны, моя практика гештальт-терапевта связана с тем, что основные клиенты психотерапевта – это женщины, это такая практическая особенность деятельности психолога вообще. И в какой-то мере она пересекается, наверное, с той мифологической стороной литературоведения и литературы, которая была затронута. Но я как бы совершенно незнакома с названными литературными текстами. Было бы очень интересно узнать – они что, предлагают более такую эффективную или там идеальную сторону женского?

Наталья Загурская. Мне кажется, сексуальность в женской украинской литературе товаром точно не стала. Мне кажется, это и есть ее особенность, хотя, возможно, я не знакома со всем литературным массивом. Конечно, мы можем говорить, что вот женщина написала, я куплю, наверное это уже само по себе сексуально. А в нашей литературе украинки, как мне кажется, позиционируют себя противоположным образом. Ну, например: «мы тут не будем про-

давать свою сексуальность, мы возьмем власть» – одно из типичных заявлений. Или: «мы поедem Европу завоевывать, пока мужчины тут сидят». А часто можно прочитать или услышать и такие вот заявления: «Я вот может быть даже буду в мире гламура функционировать, но это я в стиле бодрийеровского соблазна в глаза пыль пущу, а потом заработаю денег и поеду там, например, в горячую точку получать впечатления».

Сергей Жеребкин. А почему это не сексуальность?

Наталья Загурская. Тут, видимо, нужно уточнить, что такое сексуальность. Если героини действительно продают свою сексуальность – этот вот мир Рублевки или в модельном бизнесе, когда ищут олигархов и становятся ликами женского гламура по-русски. Но если говорить в отношении стилистики, то О. Робски можно и нужно читать в метро, где угодно, расслабляться и наслаждаться, а вот тех авторесс, о которых я говорила, мы уже не сможем читать где угодно.

Сергей Жеребкин. А мне кажется, что проект современной украинской женской литературы – это тоже сексуальный национальный продукт. Когда я использую понятие сексуальности, я имею в виду известную мысль, что любой товар функционирует не как объект, а как желание.

Наталья Загурская. Тогда чем отличается женская литература от мужской? Ведь мы тогда от предмета разговора ускользаем. Мы, таким образом, можем поговорить, скажем, об использовании феминизма в рекламе газированной воды «Сорочинской»: «Я имею новые туфли, / Всё себе справляю. / Никого не боюсь я, / Сама приобретаю. / Ой, гоп, сапожки, / Поддайте охоты, / Как оттопчем себе ножки, / Пойдём на работу». Очень хороший слоган. Похож на концепцию фильма «Чего хотят женщины?». Там мужчины-рекламомейкеры думают, что женщины хотят – мужского внимания и т.п. – и соответственно строят рекламные образы. А выясняется, что женщины хотят наслаждаться, бегать, например, в рекламируемых кроссовках... солнце светит, птички поют и роса на траве. Вот чего хотят женщины!

Ирина Жеребкина. Так может быть, задать вопрос, отличается ли женская национальная или постколониальная сексуальность от мужской в терминах либидинальной экономики желания? Можно, Наташа, вам задать такой вопрос?

Наталья Загурская. Я не вполне готова ответить на этот вопрос, потому что мужской литературы я читала гораздо меньше, чем женской. Но если гово-

речь о том, что мне попало, так вот я могу отметить, что странным образом мужские тексты не особенно отличаются от женских, потому что постколониальный контекст – контекст травмированности – приводит к общей репрессированности и поиску общих форм выражения. Но мне кажется, что это не женское письмо в данном случае похоже на мужское, а мужское – на женское. Такой вот тезис выдвигаю, он спорный, и я в нем не уверена. Но все-таки мне кажется, что ведущие украинские мужские авторы Ю. Андрухович, С. Жадан – это авторы, которые стилистически скорее осуществляют женское письмо даже в большей степени, чем некоторые женщины, которые пишут в Украине. Я думаю, что это постколониальная специфика: мужчины травмированы не меньше, чем женщины, а то и больше. Потому что вот если у украинской писательницы О. Забужко получается, например, что женское тело – это приватное, а мужское – это публичное, то в постколониальном контексте именно оно травмируется сильнее. И потом, после этих травм, когда устанавливается символический порядок, то и появляется соответствующая литература...

Ольга Плахотник. В этом контексте я хотела бы спросить Елену Беляву – в дискурсе психологии и гештальт-терапии отличается ли мужская детская травма от женской?

Елена Белява. Я не могу, наверное, ответить на этот вопрос, потому что мужчины ведь меньше обращаются за помощью. Ребенка-мальчика ведь тоже приводят женщины. Конечно, тут надо смотреть не только на отдельного человека, который обращается за помощью к психотерапевту, но и на какое-то более широкое пространство, это может быть и семья или разные отдельные какие-то отношения, то есть несколько поколений. Но реальность, вот сейчас в украинской практике – это то, что к психотерапевту обращаются женщины. Для мужчин каким-то способом квазитерапевтическим являются, наверное, бизнес-тренинги и т.п. Это аналогичные практики, которые достаточно популярны, широко разрекламированные, то есть для мужчин это форма легитимации этой травмы. Эта та ниша, которая допустима у нас для мужчин, а вот психотерапия – это как бы для женщин. Поэтому просто у меня даже нет информации...

Ольга Плахотник. Я хочу уточнить у Наташи. Как мне кажется, ведь достаточно спорной является сама проблема постколониальности Украины, хотя Наташа говорит об этом, как о само собой разумеющемся. Я знаю теоретиков в сфере «Гендер и нация», которые в принципе не согласны считать украинскую ситуацию постколониальной, поскольку не согласны определять прошлое Украины как колониальное.

Марина Воронина. Я как историк (защитила диссертацию на тему «Жительницы городов Харьковской губернии, гендерная дискриминация и динамика изменений. Вторая половина 19 – начало 20 вв.») могу сказать, что молодое поколение историков практически на 90% исходит из тезиса о постколониальном развитии Украины сейчас, что статус колонии в Украине был в составе как Российской Империи, так и уже Советского Союза.

Ирина Жеребкина. А если мы будем исходить из теории политического воображаемого ее основателей – Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф, где в том числе и термин «постколониальный» не связан с реальными колониями: речь идет о политическом воображаемом как взаимных отношениях любви и ненависти, признания-непризнания, отторжения?..

Владимир Каплун. Я просто как читатель хочу сказать, что при переходе от русской литературы к украинской у меня лично возникает ощущение молодости и свежести. Для меня это созвучно по тому ощущению, когда американская литература или потом вот сербская появилась. Может быть, вот это раннее царство, особое веселье...

Ольга Плахотник. У меня по ходу возникла пара идей. Первая – по поводу украинской женской литературы и современного украинского феминистского литературоведения. Кажется, и у О. Забужко тоже была такая идея, что специфика Украины по сравнению с Россией в силу ее колониального положения состоит в том, что в Украине не выработалась исторически мощная мыслительная, философская традиция. И по сегодняшний день, когда пытаются преподавать украинскую философию, то в основном идут к Сковороде, к Ивану Франко, Лесе Украинке – то есть опять попадают в эту ограниченную область – область литературы...

Относительно постколониальности как сферы политического воображаемого – возможно, это еще и та сфера, которая приносит определенные дивиденды, и учебник тоже вписывается вот в этот ряд. Кстати, одной из версий такого молчания вокруг него – такой, может быть, слегка ироничной – может быть версия, что те же люди, которые могли бы рецензировать его, они и есть его авторы: вот они написали, и теперь вроде как и рецензировать некому?

Владимир Каплун. А вы им пользуетесь?

Ольга Плахотник. А я вот, кстати, не очень понимаю каналы и способы его хождения: где он продается, или он не продается, присылают ли его в университетские библиотеки? Является ли он теперь обязательным?

Сергей Жеребкин. Ну, если бы он являлся обязательным, то мы – как преподаватели – уж точно знали бы об этом. Что, возможно, поменяло бы интонацию нашего сегодняшнего разговора. Так что, очевидно, пока не является обязательным.

Ольга Плахотник. Да, но с другой стороны, очень интересен такой дискурсивный ряд, когда у нас в левом верхнем углу герб Украины, когда у нас на второй странице «Рекомендовано Міністерством освіти і науки України», и третьим моментом является действительно, скажем, жена президента, которая как бы напрямую участвует в репрезентации. И в то же время нет ни одной рецензии...

Владимир Каплун. Я много думал об идеальном учебнике по правам человека. И я вижу, что те опасности, которые я там увидел в своей области, они, видимо, существуют и здесь. И вот каким я вижу такой идеальный учебник – ведь он не должен навязывать идеологию детям.

Ирина Жеребкина. А можно ли спросить как раз об идеологии у тех, кто читал этот учебник: он, что – обслуживает власть (а не критикует)? В то время как функция гендерных исследований – так же, как и правозащитного дискурса, как мы вроде бы знаем – это деконструкция существующих гендерных порядков/режимов власти.

Ольга Плахотник. Ирина, ваш вопрос звучит как бы сугубо академически – как бы в рамках западной гендерной теории, в то время как раз академичность здесь и вызывает, на мой взгляд, сомнение – судя хотя бы по тому списку литературы, который приведен в конце каждой главы. Но мне кажется, это вообще общая проблема постсоветских гендерных исследований – я имею в виду их популяризацию (вплоть до профанации) с постепенным вымыванием ключевых смыслов гендерной теории... В этом смысле даже участие супруги президента – при том, что будучи американкой по происхождению, образованной американкой, она по идее является неким репрезентантом западной, демократической культуры и так далее – указывает именно на тот момент, что критики власти, собственно, и не происходит.

Ольга Пироженко. Я хотела прокомментировать то, что спросила Ирина по поводу гендерных исследований и критики власти. Мне кажется, что здесь нужно вспомнить традицию отторжения украинской академией каких-либо политических установок и традиционное разделение на «чистое», академическое знание и на политизированные знания. Мне кажется, это хорошо прослеживается в разделинии на гендерные исследования и феминистскую критику.

Феминистская критика никоим образом не может вмешиваться в академические исследования, она расценивается как слишком политизированная, слишком ангажированная, и в результате не может претендовать на научную, академическую объективность. В то же время гендерные исследования теряют свою критическую направленность. Мне кажется, это – общая тенденция.

Ольга Романцова. Тема моей диссертации связана с идентичностью, гендером и сексуальностью, и на уровне материала я базируюсь на украинских альтернативных, в том числе литературных формациях. И здесь хотела бы провести ассоциацию. Вот в Сербии есть группа «Лайбах», это тоталитарный панк. И они именно в контексте национального используют очень экспрессивно тоталитарную символику. Но это такая ирония, которая, можно сказать, давала в свое время в Сербии больше, чем если бы они к чему-то призывали... То есть они использовали такие крайние образы, очень насыщенные, но они очень затрагивали. И люди, которые слышали «Лайбах», понимали, что они поют на самом деле не о том, чтобы там поддержать символический тоталитаризм разных национальных типов, но, напротив, альтернативно к этому относиться.

Мне кажется, интересно было бы сравнить разные национализмы гендера, национализмы и сексуальность и даже, может быть, этнопорнографии. Насколько это может больше дать для гендерной теории, чем критика в политическом или экономическом смысле, насколько это можно сделать вызовом и насколько это может быть подрывом? Потому что у нас я бы не сказала, что эти молодые женщины-авторы ассоциируют себя в качестве феминисток, потому что, как я поняла, они, наоборот, боятся быть феминистками. При этом они достигают, может быть, большего эффекта, чем откровенно маркирующее себя как феминистское украинское литературоведение. Почему одна и та же цель достигается по-разному и что более эффективно?

Ольга Плахотник. Я в этом контексте вспомнила проходящую вчера в Харькове в Академии городского хозяйства гендерную конференцию, стимулированную, как я понимаю, принятием закона о равных правах и возможностях мужчин и женщин в Украине. И вот одна из замдеканов мне рассказывала, как полгода назад прибежала взъерошенная представительница ректората со словами: «Где у нас в университете гендер?». И когда ей сказали о конференции, она была просто счастлива: «Ой, как хорошо: мне же нужно срочно отправить отчет в министерство». А представительница управления по делам семьи и молодежи областной госадминистрации рассказала в своем докладе на конференции, что в этом году на гендер потратили 30 000 гривен, а в следующем – 200 000 гривен запланировано. «Представляете, в сколько раз больше “гендера” мы произведем?..» И мне пришла сейчас в голову идея, что именно феминистское литературоведение в Украине расцветает, потому что это понимается

как политически нейтральная область – ну, пусть занимаются там себе Лесей Украинкой или Ольгой Кобылянкой, какое это имеет отношение к “сейчас”, к тому, что происходит – Ющенко, Янукович и так далее. Это же, как бы – где-то там.

Марина Воронина. Я в свою очередь хочу, напротив, сказать, что в той же Академии городского хозяйства буквально месяц назад был конкурс гендерных работ студенческих. И горсовет, и облсовет финансово поддержали студентов, они получили премии. И я должна сказать, что уровень работ – это были дипломные работы – меня поразил, честно говоря. И когда я, узнав случайно об этом конкурсе, пришла с работами своих студентов, то поняла, что они проигрывают на общем фоне. И действительно чувствовалось, что они понимают, о чем речь, они действительно владеют методологией... И в этом смысле я не могу сказать, что все эти слова наших местных властей настолько голословны. И в этом смысле все вот эти программы государственные гендерные – они тоже по-своему хороши. За неимением лучшего надо опираться на то, что есть.

Наталья Загурская. Я хочу включить в обсуждение человека реально пишущего – Лалу Багирову. И для того, чтобы это обсуждение начать, я хочу такую тему предложить – проблему женского голоса в современной женской украинской литературе.

Лала Багирова. В якому плані?

Наталья Загурская. В том, что проблема женского голоса, на мой взгляд, не связана с анатомией...

Лала Багирова. З моєї точки зору, літературу в будь-якому випадку треба поділяти на комерційну і некомерційну. Якщо говорити про комерційну літературу, то тут, звісно ж, про авторство мови не може йти, це, мабуть, підпадає під концепцію «смерті автора». Тому що в будь-якому випадку комерційна література використовує певні кліше літературні, які знаходять відбиток у потребах масового споживача, і орієнтується, в першу чергу, не на естетичну цінність твору, а саме на продаж. У некомерційної літератури, мені здається, авторство є дуже важливим фактором.

Наталья Загурская. Так, ваши книги – це більш екзистенційна література, ніж постмодерністська. Це більш особисте письмо, ніж дозволене в рамках постмодерну...

Лала Багирова. Мабуть, не можна казати про повний відхід від постмодернізму, тому що все одно, його риси ще є, але про якісь зародки чогось нового, що потім може дійсно вилитись в якісь нові естетичні напрямки, або, мабуть це надто голосно буде сказано, але можливо це матиме більш якусь нову епоху, зокрема в літературі. Мені здається, що це можливо. З приводу важливого фактору особистісного, індивідуального начала...

Сергей Жеребкин. Действительно, в украинской культуре еще не было экзистенциальной литературы, но может быть, это и есть новый этап, на который одновременно выходит и украинское феминистское литературоведение: я имею в виду авторов, относящих себя к феминистской критике, книги которых были перечислены в начале этого обсуждения – Веру Агееву, Соломию Павлычко, Оксану Забужно, Нилу Зборовскую и др. И, как мне кажется, в результате в украинских гендерных исследованиях сложилась ситуация оппозиции между официальной, бюрократической гендеристикой, которую рекламирует жена президента, и работами, которые мы, к сожалению, сегодня не откомментировали – книги Соломии Павлычко, «*Femina melancholica*» Гундоровой и самые последние книги – «*Код украинской литературы*» Зборовской и «*Notre Dame D'Ukraine*» Забужко. Потому что в учебнике вы прочтете, в общем-то, о том, что ситуация с гендером и гендерными исследованиями в Украине пока что обстоит не очень хорошо: гендер нужно развивать, догонять, например, Европу или Россию как-то опережать и т.п. А вот в украинском феминистском литературоведении ситуация совершенно противоположная – речь там идет о том, что, в общем-то, в украинской культуре феминизм укоренен уже давно. И что даже в классической украинской литературной традиции у нас есть более «продвинутые», чем даже в западной феминистской теории, вещи – и гендерная меланхолия, и гендерный мазохизм, и трансгендер у Ольги Кобылянской (в интерпретации Тамары Гундоровой), лесбийские дискурсы, транссексуальность и мужской гомосексуализм (в интерпретации Соломией Павлычко творчества Леси Украинки и Кобылянской в первом случае и Агатагела Крымского во втором), и даже сестроубийство как феминизм (в интерпретации творчества Оксаны Забужко Нилой Зборовской) и т.п. То есть мы как бы уже обогнали в гендерном отношении многие тенденции современного западного феминизма.

И эта креативность, о которой говорит в литературе Лала Багирова, очередной такой прорыв по созданию абсолютно нового – это вообще характеристика постколониальной культуры. В этом смысле постколониальная культура, к которой как раз подчеркнуто относят себя украинские феминистские критики, характеризуется особой исторической амнезией, желанием забыть все наши травмы (о которых говорила Наташа) – как будто бы их никогда и не было. И именно для этого нужно создать абсолютно новый мир, что и делается с по-

мощью литературы. Т.е. это такой креативный процесс, в нем явно звучит пафос сотворения нового мира из ничего.

Ольга Плахотник. Сотворение нового мифа!

Сергей Жеребкин. Сотворение нового культурного мира. Я бы так сказал.

Лала Багирова. Ще б хотілось додати те, що зараз культурний світ знаходиться, в принципі, в очікуванні месії. Це я, на жаль, не можу сказати в якій статті, але Юрій Андрухович про це писав. І важливим є те, що, по-моєму, кожний сучасний письменник саме себе і позиціонує як месію, сподіваючись дійсно створити новий світ, про який щойно говорили.

Владимир Каплун. Я хочу выразить некоторое опасение, что ведь во всех движениях есть опасность вырождения. Для каждого движения – идейного или социального – есть эта опасность. И я сейчас вижу, что вот именно в этой области – новой для меня и все-таки важной для моей работы гендерной теории и политической практике – как отделить это здоровое ядро? Мне кажется, что эта проблема тоже существует, да.

Марина Воронина. Я опять возвращаюсь к вчерашней харьковской конференции – там как раз обсуждался этот момент. Как раз специалисты говорили о том, что сейчас очень реальная возможность женщинам прийти во власть через оппозицию. С помощью оппозиции они засвечиваются политически, становятся политическим товаром и тогда – идут дальше. И буквально как раз перечисляли, анализировали все женские партии (либо партии, возглавляемые женщинами) в Украине – они практически на 90% начинали с оппозиции. Позиционировали себя, как оппозиционерки, а дальше уже проходили в политический истеблишмент, набирали популярность.

Владимир Каплун. Я хотел сказать, что мне кажется, что на самом деле к власти приходит не пол, не нация и не национальность, а что-то другое...

Ольга Плахотник. Я тоже думала над этой проблемой. И, насколько я понимаю, как раз именно позиция критического интеллектуала состоит в неустанной рефлексии и оппозиционировании власти. «Находиться немного в стороне» – как нам в ЕГУ говорила Альмира Усманова. Критический интеллектуал – он не правый, не левый, его нельзя маркировать по политическим категориям. Он всегда на стороне дискриминированных.

Наталья Загурская. Нет, это невыгодный пример, очень невыгодный. А возможно, он потом в гангстеры пойдет. Женская стратегия такого рода хорошо проиллюстрирована в «Догвилле» Л. фон Триера, героиня которого сначала выступила на стороне угнетенных, а когда сама стала жертвой, то обратилась за помощью к гангстерам. Это Венера в мехах 21 века – сначала заключает с мужчиной договор, согласно которому берет власть в свои руки, а затем все равно ищет власти более сильного.

Ольга Плахотник. Я хочу закончить свою мысль. Что с одной стороны, да, нужно думать, как возможен критический проект. Но, с другой стороны, я понимаю, что еще одним выходом из этой ситуации может быть ирония, пародия...

Ольга Романцова. Я когда-то имела отношение к психоанализу и психологии – к тому, что называется «реактивным образованием». Я хотела спросить Елену Беляеву – вы верите в успешность ваших терапевтических практик по отношению к женщинам-клиенткам?

Елена Беляева. Не совсем понятно, для кого именно они «терапевтичны», но лично я как психотерапевт все-таки оптимистично отношусь к этому. Нужно ли излечивать – такой вопрос на начальном этапе беспокоит людей, которые приходят к психотерапии как профессии. Но решается он очень просто: если есть запрос, то надо лечить, то есть если есть человек, который обращается, что вот меня это беспокоит, мне это мешает, мне это не дает... – тогда надо лечить.

Сергей Жеребкин. А если нет?

Елена Беляева. Если нет запроса, то это насилие, или вмешательство... Это вопрос этики, то есть важно знать эту границу отношений, то есть личное отношение и есть профессиональное отношение. Кстати, важный вопрос становления профессионала – это перестать лечить близких. Менять себя, свое отношение, свое взаимодействие с мужем, с матерью, с отцом, реально действующими, не навязывать...

Сергей Жеребкин. То есть в практиках «изменения мира к лучшему» необходимо понять политику власти по отношению к ...?

Елена Беляева. По отношению к «своим».

Ирина Жеребкина. В контексте сказанного Еленой я хочу заметить, что одна из последних книг Батлер (2004) называется «Хрупкая жизнь. Силы скорби и насилия». Концепт «хрупкой жизни» она вводит после 11 сентября, когда, по словам Батлер, решается, «чьи жизни могут быть маркированы как жизни и чьи смерти будут считаться смертями» в ситуации, когда гетеросексистский и расистский императивы сосуществуют вместе и когда, по ее словам, любая «национальная меланхолия», понятая как «скорбь», неизбежно влечет «убийственные действия». И в следующей книге «Отдавая отчет о себе» (2005) у нее есть такой простой ответ – если задаваться вопросом о «себе», а именно – «какой ценой» сформировано наше «я», то только тогда возможно «держать страх и тревогу подальше от оборачивания их в убийственные действия» по отношению не к далекому, а вот к ближнему, о чем сказала Елена.

Владимир Каплун. Мне кажется, очень важно эти болезненные какие-то гендерные вопросы помещать в контекст других вопросов – ну, например, в контекст прав человека. Я боюсь, что в том небольшом количестве гендерной литературы, с которой я соприкасался, там иногда бывает такой ...несколько узкий подход, и я беспокоюсь, не может ли он по-своему травмировать каких-то людей... Нет, я не говорю, что вообще это не нужно, я только говорю об осторожности...

Ольга Плахотник. А рефлексивность тоже постоянно перепроверять? Постоянно быть критичным по отношению к самой себе – собственно, вот это и есть критическая интеллектуальность.

Может, спросим Марину и Лалу как тех самых «студентов», о которых мы говорим как о категории?

Марина Давыдова. Мені, чесно кажучи, особисто здається, що в нашому суспільстві проблеми гендеру просто нема.

Лала Багирова. Мабуть найбільша проблема – це гроші, точніше їх відсутність і неможливість реалізувати себе так, як би це хотілось. В той же час, мати якісь засоби до існування.

Марина Воронина. Кстати, чаще всего с этого начинается гендерная проблема – когда дело касается «грошей», когда начинаешь трудоустроиваться и пытаешься в какие-то мужские профессии, грубо говоря, залезть. Ну, например, могу сказать, десять лет назад мерчендайзер в Харькове была только мужская профессия, хотя, по существу, это достаточно женская профессия, и сейчас девушек в ней больше.

Лала Багірова. По-моєму, принаймні на те, яку роботу може собі молодь підшукати, підсумісництво, або взагалі, там не має критерію, як стать ... Я жодного разу не зустрічала в оголошеннях про роботу. Ну добре, я не знаю з приводу технічних спеціальностей. Я не пробувала там працювати...

Денис Петров. Темой моей научной работы является формирование гендерной идентичности в англоязычном дискурсе, в частности, женские и мужские метафоры в англоязычной рок-поэзии. А что касается проблемы дискриминации (в том числе при приеме на работу), мне кажется, что она все-таки в каком-то то виде присутствует, но далеко не так ярко выражена. Мне кажется, что именно феминистское движение такие проблемы и провоцирует – такие случаи, когда становится видна дискриминация пола.

Ольга Плахотник. Уважаемые коллеги, время нашей дискуссии подошло к концу, и мне кажется очень симптоматичным, что она заканчивается мнением студентов и аспирантов, молодого поколения, проблематизирующим весь наш сегодняшний разговор, сегодняшнюю попытку обсуждения. И, как мне кажется, это придает нашей теме и проблеме институционализации гендерных исследований в Украине дополнительную остроту и напряжение. Это ни хорошо, ни плохо, это так, это тем более становится интересным, и для меня, например, это дополнительный вызов как для исследовательницы.

Я хочу искренне поблагодарить вас всех за участие, за высказанные мнения. Мне кажется, попытка обсуждения состоялась, и мне очень хочется, чтобы у нее было продолжение: не только в нашем Центре или в Харькове, но и в других исследовательских гендерных центрах Украины, и не только Украины. Благодаря публикации этот наш сегодняшний разговор станет видимым, читаемым, и к нему можно будет присоединиться для продолжения дискуссии. Всем большое спасибо!

¹ См. перечень книг в статье Н. Загурской «От “пор’ядної львівської пані” до “*bitches get everything*”»: гендерные стратегии в современной женской украинской литературе» в данном номере журнала.